

такое возможно среди людей?

— Они не хотели об этом рассказывать?

— Да, о пережитых личных терзаниях они не хотели говорить. Они всё чаще говорили «мы», обобщая страдания. Сглаживая в какой-то степени этим обобщением глубину личной травмы.

Видимо, так устроена человеческая психика — пережитое вместе горе не так унизительно.

Даже прожив долгие годы после освобождения «на воле», они неохотно рассказывали о самой большой трагедии, которую только может пережить женщина-мать. О том, что многие, вернувшись из лагерей, так и не смогли найти общий язык со своими повзрослевшими, выросшими в советском социуме детьми.

В фильме есть эпизод, посвященный актрисе Кэтеван Орахелашвили — жене известного грузинского композитора Микеладзе. Она тоже была «алжиркой», сидела вместе с моей бабушкой. Её сослали с двумя детьми-подростками 12 и 16 лет. Детей как «переселенцев» разместили отдельно от матери, за пределами лагеря. А Кэтеван как политзаключенная находилась за решёткой. Душа разрывалась от того, что она не может помочь своим детям.

Через какое-то время она сошлась с одним из «особистов». Родила сына — Колю Дроздова. Особист оказался неплохим человеком. Через него она передавала своим детям и пищу, и тёплую одежду... После освобождения Кэтеван с сыном и мужем вернулась в Тбилиси. Но повзрослевшие дети так и не смогли смириться с новой семьей своей матери. Внутренние конфликты были следствием неизбежной ревности, рожденной, как им казалось, дефицитом материнской любви. И долго-долго не утихала эта боль у всех участников этой трагедии. Понимание, что мать не только дала им возможность ВЫЖИТЬ, но и как живой человек имела право на любовь, пришло много позже.

У меня осталось много не вошедших в фильм материалов. Если бы появилась такая возможность, я бы сняла еще один фильм. О глубине и силе, о красоте и хрупкости женской души. Ведь так просто осуждать! А быть женщиной, матерью — куда труднее.

Есть афоризм: «Здоровье государства определяется отношением к женщине».

Про наше государство мне понятно. А вот наши женщины, которые смогли такое вынести, — для меня загадка...

— Так Вы говорите, не все тюремщики были плохими людьми?

— Думаю, что и в лагерях, по ту сторону колючей проволоки, работали в основном такие же жертвы системы. По сути, они так же не были свободны. Многое зависело от личной человеческой составляющей.

В лагере начальники менялись, были жестокие, злые, но были и «добрые». «Хороший начальник» — звучит странно для нашего уха?

Но были такие. Имя «хорошего начальника Барина» запомнила даже я, потому что бабушкины «алжирки» часто его поминали добрым словом. Он, в меру своих возможностей, как начальник лагеря, пытался как-то облегчить их лагерное существование.

Самой большой болью для женщин была разлука с детьми. Бабушкин сын Алёшка сначала жил у Анатолия Головни — моего деда. Помните, после ареста бабушки он забрал всех детей из детприёмника? А когда началась эвакуация, тётя Полина, бабушкина сестра, схватила Алёшу и уехала куда-то в Алма-Ату. Вскоре Полина умерла, и бабушка потеряла след сына.

Где он и что с ним? Когда связь с сестрой вдруг прервалась, бабушка бросилась в ноги к этому Баринину, умоляла дать ей возможность разыскать и привезти сына. Сначала он наотрез отказался. «Идет война, ты политзаключенная. Я не могу рисковать со-

ВСЕ ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНЫ ЕВГЕНИЕМ ГОЛОВНИ

Алеша Бабицкий, первый привезенный в АЛЖИР ребенок

бой». Потом сжалился. Он выдал ей справку, что такая-то «вольнонаемная» отправляется в такую-то командировку. Сказал, поезжай, но если попадешься, я тебя не знаю, у меня свои дети, жена. Я их жизнями играть не могу. А сумеешь — привози своего сына сюда. Каким-то чудом бабушка разыскала сына. Ему уже исполнилось лет пять. Голодный, весь в чирьях, он встретил её словами: «Если ты моя мама, то дай мне хлебушка». Она привезла его в лагерь. Это был первый привезенный в лагерь ребёнок. Женщины его чуть не растерзали. Обезумевшие от тоски по собственным детям, они хотели хоть дотронуться до чужого ребёнка, погладить по головке...

Позже Баринин организовал при лагере детский садик. Нет-нет, а кто-то с его разрешения привозил своего малыша... А некоторые женщины и рожали там: и от охранников, и от уголовников, и от политических... Жизнь брала своё. Кто смеет их судить за это? Разве можно называть их предательницами или подлыми за это?

А Баринин они ценили.

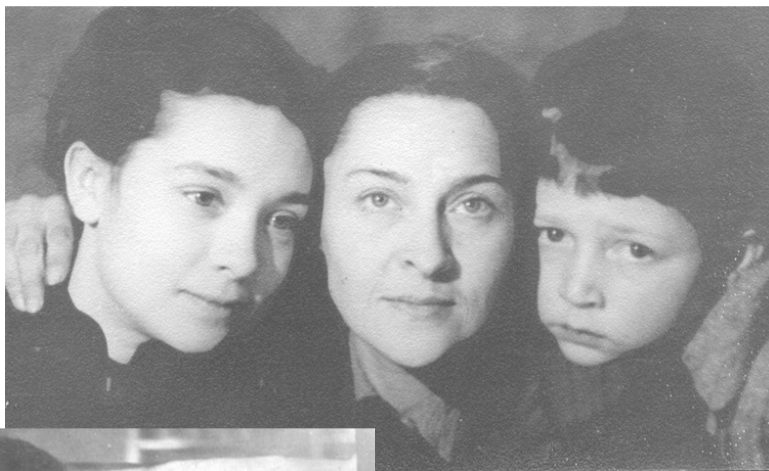
— Вы не нашли его во время съёмок фильма?

— В 1990 году, когда мы со съёмочной группой приехали на «26-ю точку Карлага» в посёлок Долинку, я нашла его в полуразрушенном саманном домике, где он жил со своей женой. Оба больные, полуслепые, жена почти оглохла. Нищета, убогость во всем. На столе — несколько засохших пряников.

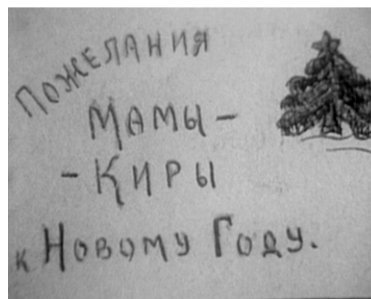
Старики обрадовались консервам, маслу, печению, которые мы, по совету Оксаны, привезли с собой. Их встреча, начальника и заключенной, была трогательно-трагичной. Встретились две сломанные жизни.

Они обнимались, плакали и оба повторяли: «За что?!»

Оксана была поражена тем, что нашла Баринина нищим. «Ладно, я нищая! У меня только и есть, что «персональная» пенсия. Но у него почему такая нищета? Он же

Л. Бабицкая после лагеря с дочерью Оксаной и сыном Алешей

«Открытка» из лагеря

населяющие Россию?

— Во мне много разных кровей. Но я себя считаю русской, хотя основное воспитание мне дала моя прабабушка — чистокровная гречанка. Она закончила петербургский институт благородных девиц и великолепно знала литературу — наизусть читала Лермонтова, Пушкина, Тютчева, любила историю, язык (несмотря на лёгкий акцент). А благодаря другой бабушке, я выучила наизусть уральские песни... Родственники со стороны отца — этнические немцы — отличались пунктуальностью и трудолюбием.

Я считаю, что людей объединяет единое культурное поле. Россия всегда была таким единым полем. И те, кто питался его плодами, воспитывался на его просторах, становился «русеем русского». Вспомните, те же Пушкин, Лермонтов, Блок, Бальмонт, Даль. В общем-то, никто не искал «чистоты крови». Триста лет правили Романовы. Оседали французы, англичане, немцы, греки, корейцы и китайцы, смешивались сибирские народы... В каждом русском есть часть татарской крови. И любили Россию, и своё умудрялись сохранять...

Сегодня это культурное поле уничтожено, разграблено, заплёвано... Пытаясь самоутвердиться, мы рискуем в поисках своей идентичности скатиться к фашизму. Надо уважать друг друга. Сохранять корни, традиции, верования можно, не уничтожая друг друга.

— У Вас была мысль, что надо

что-то делать, чтобы жизнь в стране изменилась?

— Сейчас, будучи взрослым человеком, я понимаю, что прежняя государственная система была выстроена так, что мы жили между полом и потолком. Наше стремление к полёту ограничивал потолок, но и упасть ниже пола мы не могли. Не было бомжей, не было безработицы, были социальные льготы, пенсии (мне на свадьбу бабушка-пенсионерка подарила холодильник!), дети ходили в детский сад, отдыхали в лагерях, посещали спортивные секции и кружки по пению, я могла спокойно получать образование, мои дети тоже. Да, хотелось свободно ездить за границу, посмотреть мир, хотелось избавиться от идеологического гнёта.

Когда началась перестройка, появился Горбачев, мы, ошалевшие от радости, носились по коридорам студии в ожидании перемен. Казалось, стоит только приоткрыть дверь, и оттуда хлынет пьянящий воздух свободы. И наша серая действительность приобретёт многоцветие настоящей жизни! Никто же не думал, что мы выпускаем своего джина из бутылки, а в приоткрытую дверь ворвутся чужие тёмные силы.

Тоскую ли я по советским временам? Там было много изъянов, но было и много хорошего. Ведь не мог же многомиллионный народ прожить впустую более 70 лет. Была и электрификация, и стройки Сибири, и атомная бомба, и освоение Арктики, и Космос, и прекрасная литература, неплохой театр и любимый народом кинематограф. Кстати, нынешние демократы тоже родом оттуда же.

И не стоит «пить из черепа отца». Человечество пока не сумело определить, какая социальная система наиболее пригодна для жизни. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...»

— А что Вы скажете об обществе, в котором мы живем сейчас?

— Страшное общество. Из него вычеркнута духовная составляющая, что превратило его в сообщество пожирателей. Власть денег убила все живое.

По рублю, по доллару в каждом глазу — и нет живого человека.

А то, что всё-таки есть молодёжь, у которой не благодаря, а вопреки, существуют идеалы гармонии и красоты, чести и достоинства, говорит о неубиваемости добра. Мой старший внук растёт таким. А значит, нет смысла сдаваться «на волю победителя». Стоит работать и жить, ради того, чтобы эти пока робкие ростки, придавленные коллективным злом пресловутого «общественного сознания», вошли в силу, пробили слипшуюся грязь и дали начало осмысленным переменам. С учетом всех предыдущих ошибок.

А начинать надо с себя. Как говорил Лев Толстой, «спасись сам и вокруг тебя спасутся другие».

Ульяна КИМ

Печатается с сокращениями.

Полный текст: <http://www.epochtimes.ru/content/view/54576/54/>